

Дж. Р. Баттен

Во дворцах и в тюрьмах

Оглавление

1. Некоторые исторические факты

2. Через моря и океаны - в Бирму

3. Монах-отступник

4. Дом в саду

5. Барабаны смерти

6. Безмолвный шпион

7. Золотые Ноги

8. Король Баги-дав

9. В тюрьме

10. Во дворце

11. Поиски подушки

Некоторые исторические факты

Адонирам (Дон) Джадсон родился в США 9 августа 1788 года в городе Малден, в штате Массачусетс. В 1813 году вместе с женой Энн они прибыли в Бирму, в город Рангун. Джадсоны были в числе первых американских миссионеров, пожелавших трудиться за пределами Америки. В 1817 году было напечатано Евангелие от Матфея, переведенное Джадсоном на язык пали.

В 1824 году, когда началась англо-бирманская война, Джадсона арестовали. Он вышел из заключения только в феврале 1826 года, перед подписанием перемирия в Яндабо. Бог чудесным образом сохранил драгоценные переводы отдельных книг Библии, над которыми Джадсон трудился многие годы.

В 1826 году Энн Джадсон умерла от сыпного тифа. Дон Джадсон продолжал дело распространения Евангелия в Бирме до последнего дня своей жизни. Он умер 12 апреля 1850 года в возрасте 61 года.

Через моря и океаны - в Бирму

"Послушайте, произошла ошибка! Я не англичанин! Я - американец! Вы должны освободить меня!" - настаивал молодой человек в сером костюме с бархатным воротником. Остальные заключенные были в форме моряков британского флота. Их гнали по улицам небольшого французского городка Байонна. Жандармы то и дело подталкивали молодого человека мушкетами - это был единственный смутьян, остальные заключенные не сопротивлялись.

"*Marchez vite!*" - раздался приказ. Заключенные не понимали этих слов, и чтобы они выполнили команду, жандарм безжалостно ударил по ногам ближайшего из заключенных.

Между Англией и Францией шла война. Французы захватили в море английский корабль и привели его в гавань. Улицы Байонна оживились. Толпа зевак собралась поглазеть на ненавистных английских моряков и поиздеваться над ними. В памяти французов еще жива была битва при Трафальгаре, когда вице-адмирал британского флота Нельсон одержал победу над французским флотом. Это оскорбление не было забыто. В заключенных летели камни и комья грязи. Жандармы торопливо гнали их по направлению к городской тюрьме. Они и сами рады были укрыться за ее стенами, потому что только так можно было избежать гнева жителей Байонна.

Но молодой американец не собирался смиряться с тем, что его взяли в плен. Утверждая, что его ожидает неотложная, крайне важная работа, он требовал чтобы его освободили и позволили продолжить путешествие. "Я не англичанин", - доказывал он, пытаясь перекричать уличный гам и реплики любопытных. Но никто не слышал его протестов, а если и слышал, то не обращал на них никакого внимания.

Его бесплодные попытки веселили толпу. Напрасно он искал сочувствия - жители Байонна только гневно потрясали кулаками. "Я не моряк! Я путешественник!" - не унимался он. Ничего не изменилось и тогда, когда он попытался говорить по-французски: ни солдаты, ни полицейские не обращали на него внимания.

Молодого человека звали Адонирам (Дон) Джадсон. Ему было 23 года, и он был убежден, что Бог призвал его проповедовать язычникам Востока. В 1811 году Джадсон покинул родную Америку и на борту британского корабля плыл в Индию. И вот теперь ему угрожали годы заключения во французских лагерях для военнопленных.

"Я требую встречи с губернатором! - еще раз крикнул он. - Это ужасная ошибка! Я - американец, гражданин нейтральной страны! Я требую, чтобы меня освободили!" Вместо ответа его пнули ногой, и он полетел вниз головой в темную камеру. Дверь захлопнулась. Джадсон сидел на соломе, обхватив голову руками. Почему Бог допустил это? Джадсону трудно было представить, как он теперь доберется до Индии, а ему хотелось поскорее начать трудиться среди жителей Востока.

"Господи, я хочу служить Тебе, - молился Джадсон. - Это Твоя работа. Выведи меня из этой беды. Помогите мне!" Вдруг кто-то тронул его за плечо, и он быстро обернулся. Не было слышно шагов, казалось, в камеру никто не входил, но вот рядом с ним стоит незнакомец. Джадсон сразу же понял, что это друг.

- Как вы сюда попали? Кто вы? - спросил он с изумлением.

Вместо ответа, мужчина в длинном темном плаще приложил палец к губам. Быстро сняв плащ, он набросил его Джадсону на плечи.

- Быстрее! Не задавайте никаких вопросов, - прошептал он по-английски. - Бегите! В гавани стоит американский корабль - постарайтесь пробраться на него.

Джадсону не нужно было повторять дважды. Он ринулся к двери камеры, пробежал по пустому коридору и оказался на улице. Но куда бежать дальше? Окинув взглядом улицу, он увидел корабельные мачты, возвышающиеся над крышами домов. Он помчался по набережной и буквально взлетел на палубу корабля, над которой развевался знакомый флаг.

Он так никогда и не узнал имени своего спасителя, но до самой смерти с благодарностью вспоминал незнакомца в Байонне, который не остался равнодушным к его судьбе. Кто знает, сколько месяцев или даже лет ушло бы на то, чтобы доказать французским властям, что он не враг. А теперь он свободен и может продолжать свое путешествие!

Американский корабль направлялся в Лондон, и капитан согласился захватить с собой Дона. В Лондоне Джадсон рассказал о своих приключениях членам Лондонского миссионерского общества. Прошло еще какое-то время, и Дон вместе с женой Энн снова поднялся на борт британского корабля, отплывавшего в Калькутту.

Путешествие в Индию длилось несколько месяцев и было очень опасным. Французские корабли могли устроить засаду британскому торговому судну и, чтобы избежать встречи с врагом, корабль несколько раз менял курс. Противные ветры и морские бури представляли не меньшую опасность. Но, несмотря на все это, корабль благополучно достиг Калькутты. Вдали показались берега страны, о которой Джадсон так долго мечтал.

Но калькуттским чиновникам и торговцам вовсе не хотелось, чтобы в их дела, которые не всегда велись честно, вмешивались миссионеры, и супругам Джадсон отказали в разрешении сойти на берег.

- Мы не позволим, чтобы миссионеры насаждали свои идеи среди местного населения, - заявили они.

- Но что нам делать? - спрашивал Джадсон.

- Возвращайтесь туда, откуда прибыли.

- Я не собираюсь возвращаться! - решительно заявил Джадсон.

- Если вы нарушите постановление властей и сойдете на берег, вас арестуют и бросят в тюрьму, - предупредил его дружелюбно настроенный капитан корабля.

- По крайней мере, я буду в Индии. Неужели вы думаете, что я, преодолев такие препятствия, уеду обратно?

- А почему бы нам не сойти на берег в другом порту? - предложила Энн. - Может быть, в портах не таких больших, как Калькутта, представители власти настроены иначе?

По соседству с их кораблем стояло судно, которое через несколько дней отплывало в Рангун, и Джансон принял решение.

- Мы поплывем в Рангун и будем проповедовать жителям Бирмы, - объявил он жене. - Кто знает, может, мы больше нужны в Бирме, чем в Индии.

Корабль "Георгина", отплывавший в Бирму, напоминал дырявое корыто. Путешествие на нем было очень рискованным.

"Надеюсь, мы прибудем в Рангун до начала июльских дождей", - сказал капитан, направляя корабль по течению реки Хугли. Но он ошибался. Задолго до того, как снова показалась земля, на них обрушилась лавина воды. Никогда в жизни супруги Джадсон не видели ничего подобного. Энн заболела. На "Георгине" не нашлось уголка, где можно было бы укрыться от дождя. Капитан отдал приказ, чтобы моряки помогли Дону соорудить на палубе что-то вроде палатки из старого паруса. Энн лежала в этом импровизированном домике, по стенам которого беспрерывно барабанили крупные капли дождя.

Каждый день Джадсон напряженно вглядывался вдаль, пытаясь рассмотреть в тумане землю. И вот, после многих месяцев скитаний, Дон увидел берег страны, в которой ему суждено было прожить всю оставшуюся жизнь.

- Энн, смотри! Это Рангун! - взволнованно воскликнул он.

- Наконец-то!

После очередного изгиба реки они увидели золотые шпили знаменитого буддистского храма Шве Дагон. Контуры крыши этого великолепного сооружения напоминали бутон лотоса. Из-за пелены дождя вокруг храма едва просматривались многочисленные бамбуковые хижины на высоких сваях, в которых жили бирманцы. Дон подумал: "Эти люди поклоняются Будде. Как они отнесутся к незнакомцам с Запада?" Как будто читая мысли мужа, Энн взяла Дона за руку:

- А может, они не слишком обрадуются, увидев нас?

- В конце концов они поймут, что мы приехали сюда ради их блага, - убежденно сказал Дон.

Когда "Георгина" причалила к берегу, на палубе началась страшная суматоха.

- Давай переночуем на корабле, а завтра утром сойдем на берег, - предложил Дон жене.

Монах-отступник

На следующее утро, попрощавшись с командой "Георгины", Джадсоны спустились на набережную Рангуна. "Через три дня мы отправляемся в обратный путь, - сказал капитан, который за время путешествия успел подружиться с ними. - Может, эта грязная страна успеет надоесть вам, и вы рады будете возвратиться с нами".

Джадсоны не ошиблись, предполагая, что бирманцы вряд ли встретят миссионеров с распростертыми объятиями. Дождь лил, как из ведра, и дорога, по которой Энн с Доном брели в город, была больше похожа на бурный ручей, чем на улицу. "Прежде всего нам нужно найти жилье!" - сказал Дон и окликнул темнокожего мужчину, который стоял под навесом, укрывшись от дождя. Но тот только пожал плечами и зашагал прочь.

Один из моряков с "Георгины" рассказал им, что в заброшенной лачуге на окраине города жил когда-то белый человек. Хорошо бы отыскать эту лачугу, но в каком направлении идти? Моряк очень неточно описал, где она находится. Напрасно Дон с помощью жестов пытался объяснить с прохожими. Никто не откликнулся и не предложил помощи.

Когда Джадсоны подошли, по их представлениям, именно к той лачуге, которую разыскивали, они насквозь промокли и чувствовали себя очень уставшими. Жалкое сооружение казалось совершенно непригодным для жилья. Поднявшись по шаткой деревянной лестнице, Энн постучала в дверь.

Откуда-то из темноты появилась смуглая девушка. Она была очень удивлена, увидев белокожих гостей. "Кто вы?" - спросила она. Энн обрадовалась, обнаружив, что девушка немного говорит по-английски. Выбирая самые простые слова, Энн объяснила, что им нужно место для ночлега. Когда девушка пригласила их войти, по лицу Энн текли слезы радости.

"Хотите есть?" - спросила девушка. Только тогда Энн поняла, как она голодна. Ведь с тех пор, как они завтракали на корабле, прошло семь часов. Из кухни доносились запахи пищи, приправленной ароматными специями. В помещении не было стульев. Хозяйка пригласила их на площадку, которая служила верандой, и указала на циновки на полу. Последовав ее примеру, они сели, скрестив ноги, и принялись за еду. Это был их первый обед в Бирме: рис с мясом и приправами. Согревшись и утолив голод, миссионеры повеселели. В улыбках и оживленной жестикуляции зарождалась дружба с хозяйкой.

Запинаясь и подыскивая нужные английские слова, девушка рассказала им, что сейчас в Рангуне совсем нет белых. Когда-то в этой лачуге жил белый человек, но он давным-давно уехал. От него она и выучила немного английских слов. Она сказала, что есть еще один человек, который немного говорит по-английски. Его можно найти возле доков, на таможне.

- Я пойду и разыщу его, - сказал Дон. - Думаю, что он сможет что-нибудь посоветовать нам. А ты, Энн, пока отдохни.

Энн рада была возможности отдохнуть. Вытянув усталые ноги, она поудобнее устроилась на неровном полу веранды. Девушка принесла ей подушку под голову. Убаюканная размеренным шумом дождя, Энн мгновенно уснула.

Дон разыскал таможню и увидел мужчину, похожего на испанца, который действительно говорил по-английски. Джадсона поразила его реакция на их приезд:

- Ты приехал жить в Рангун, чтобы проповедывать о Христе, не зная их языка?

Крупная фигура собеседника сотрясалась от смеха.

- В этой стране случаются самые невероятные вещи, но я не слышал ничего более абсурдного, - заявил он. - Имеешь ли ты хоть какое-то представление о том, с чем тебе придется встретиться?

- Я привык к трудностям, - спокойно ответил Джадсон. - В первую очередь мне нужно найти жилье и учителя языка.

Убедившись в том, что у Джадсона серьезные намерения, испанец перестал смеяться.

- Должен признаться, что я восхищаюсь твоей отвагой. Но твои планы иначе как сумасшествием не назовешь. Я давно живу здесь и знаю, что говорю. Мой тебе совет: постарайся убраться отсюда как можно скорее, прежде, чем кто-то узнает о твоих намерениях. Бирманцы с первого взгляда могут показаться вежливыми и приятными, но они очень жестоки. Если они узнают, что ты исповедуешь другую религию, или ты посмеешь что-то сказать против Будды, они возненавидят тебя лютой ненавистью. Они убьют тебя, но прежде подвергнут таким страшным мучениям, что ты сам будешь умолять о смерти.

- Я не боюсь пыток и смерти, - сказал Джадсон. Он понимал, что испанец желает ему добра. - Мы с женой приехали, чтобы остаться здесь.

Испанец с изумлением посмотрел на Джадсона, потом вынул красный шелковый платок и вытер пот со лба.

- Неужели ты настолько глуп, что взял свою жену в эту опасную экспедицию? Тогда мне нечему удивляться, ты просто ненормальный.

- Нормальный я или нет, но нам с женой необходимо жилье. Или участок земли, на котором я мог бы построить дом. Кроме того, мне нужен учитель, - настойчиво повторил Дон.

- Возле Лобного места, где происходят общественные наказания, есть участок земли. Думаю, никто не станет возражать, если вы там поселитесь. Кстати, там есть несколько полуразрушенных лачуг. Одну из них можно на первых порах использовать для жилья. Все равно вы здесь долго не задержитесь. Живя у Лобного места, ты своими глазами увидишь, что ожидает тех, кто нарушает законы Бирмы.

После этих суровых слов испанец вытащил трубку и закурил. Было ясно: он ждет, чтобы Дон ушел. Но у миссионера были еще вопросы.

- Спасибо за ваши советы, - вежливо сказал он. - Но у меня есть еще один вопрос. Я хочу как можно скорее выучить язык, чтобы общаться с местными жителями. Кто мог бы мне в этом помочь?

Испанец понял, что от настырного посетителя не так-то просто отделаться.

- Самым подходящим учителем был бы монах, - в раздумьи сказал он. - Но вряд ли буддистский монах согласится учить еретика, приехавшего в Бирму, чтобы разрушить то, что буддисты почитают святыней. Как тебе кажется, может ли монах согласиться на это?

Погрузившись в молчание, таможенник продолжал курить, а затем добавил:

- Твоя единственная надежда - монах-отступник. Если ты найдешь такого человека, считай, что тебе повезло. Но конечно, тебе придется заплатить ему.

- А где найти такого монаха? - спросил обнадеженный Джадсон.

- Нигде. Это невозможно!

Дон тяжело вздохнул. Неужели испанец издевается над ним, то разжигая надежду, то разбивая ее вдребезги? Наконец, испанец встал со стула и протянул руку, намекая, что ожидает платы. Джадсон положил ему на ладонь 10 серебряных монет и вышел. Лицо испанца расплылось в улыбке. Опуская в карман полученные деньги, он заметно повеселел и крикнул:

- Если мне встретится человек, который согласится тебя учить, я пошлю его к вашей лачуге.

На следующее утро, после беспокойной и мучительной ночи, Джадсоны сидели на веранде и уныло смотрели на дождь, который ни на минуту не переставал. Из-за водяной пелены ничего не было видно. Девушка-бирманка дала им понять, что они могут жить в лачуге сколько захотят, но она ожидает платы от неожиданных гостей.

Как-то Дон сказал жене:

- Энн, я нашел здесь какие-то бумаги. Хотя многие листы испачканы и порваны, у меня такое впечатление, будто кто-то пытался составить словарь. Скорее всего, эти бумаги принадлежали прежнему обитателю жилища.

- Великолепно! Где ты их нашел? - спросила Энн.

Заглянув через плечо мужа, она увидела стопку пожелтевших изорванных листов, которые Дон рассматривал при тусклом свете.

- Они были вон в той старой коробке в углу. Должно быть, это их алфавит. Если бы только мы знали, как произносить эти странные звуки, мы могли бы кое-что выучить.

- Поскорей бы дождь перестал, - вздохнула Энн. Она смотрела из окна сквозь густую водяную завесу и вдруг крепко сжала руку Дона. - Смотри, смотри! Ты видишь?

В конце тропы показались очертания двух фигур, пробирающихся через просвет в живой изгороди. Вспомнив слова испанца, Дон сказал: "Видимо, за нами наблюдают". Заметив, что Энн сильно побледнела, он добавил: "Мне кажется, это просто любопытные. Я не думаю, что они хотят причинить нам вред".

Пока он говорил, фигуры приблизились. Теперь было отчетливо видно, что это двое мужчин. Каждый из них приподнял свою длинную юбку выше колен, чтобы не загрязнить ее. Ноги мужчины, идущего впереди, были покрыты татуировкой. Второй держал над головой спутника потрепанный зеленый зонтик, под мышкой у него была лакированная шкатулка. Они выглядели так необычно, что страхи Энн исчезли.

- Неужели они идут к нам?! - спросила она. - У них такой торжественный вид, а мы даже не знаем, как приветствовать наших первых посетителей. Интересно, кто они?

Незнакомцы подошли к веранде и поклонились почти до земли. Тот, который нес шкатулку, безмолвно открыл ее, и подал пачку сухих пальмовых листьев своему господину. Затем, приподняв зеленый зонтик, с низким поклоном отступил назад.

У лестницы, ведущей на веранду, стоял мужчина с сухим морщинистым лицом. Из-под его высокого лба доброжелательно смотрели темные пронизательные глаза. Жестами пригласив гостя войти, Дон предложил ему сесть на циновки. Пожилой мужчина поклонился и сел.

- Меня зовут Оу Оунгмен, - объявил он. - Я слышал, что вы хотите учить язык. Я могу учить.

Позвали девушку, чтоб она помогла им объясниться. Оказалось, что это был монах, оставивший служение Будде. Он выразил готовность обучать чужеземцев и посвятить их во все сложности языка бирманцев.

Дону не терпелось приступить к занятиям. Но его ожидала трудная, кропотливая работа, потому что язык пали - один из самых сложных восточных языков. С раннего утра и до поздней ночи Дон корпел над странными знаками и словами, изучая их. Одновременно он составлял словарь и учебник по грамматике. Каждое утро к нему приходил монах в сопровождении слуги с зеленым зонтиком. Монах терпеливо объяснял сложные обороты речи, разговорные выражения и обучал произношению трудных слов.

Иногда на уроках присутствовала Энн, но чаще она уходила в город за покупками. Ей нравилось бродить по базару и общаться с людьми, сновавшими вдоль берега реки. Запоминая отдельные слова и обрывки фраз, услышанные в толпе, Энн понемногу начала объясняться с бирманцами и радовалась, когда они понимали ее. По вечерам, при слабом мерцании тростниковой лучины, двое белых людей повторяли все, что они выучили в течение дня. Дон все время добавлял новые слова к своему словарю, который быстро увеличивался. Он учил Энн читать странные буквы и составлять из них слова, услышанные ею на улице.

Но они не только изучали язык. Каждый день был днем новых открытий, и это помогало лучше понять таинственную страну, в которой они оказались после

многочисленных приключений. Джадсоны узнали, что все здесь, в том числе и люди, принадлежит королю. Король мог распорядиться своими подданными и всем их имуществом по своему усмотрению. Он мог отдать приказ подвергнуть пытке любого бирманца, и никто не посмел бы протестовать, потому что все бирманцы были фактически его рабами.

Как это отличалось от учения Христа, которое Джадсон мечтал распространить среди жителей Бирмы: каждый человек, даже самый бедный и простой, любим Богом и ценен в Его очах. Дон упомянул об это в разговоре со своим учителем.

- Неудивительно, что король не позволяет христианам проповедовать в нашей стране, - ответил Оу Оугмен.

- Я приехал сюда, чтобы рассказать людям о Боге, и буду это делать, - бесстрашно сказал Дон.

На это учитель ответил:

- Мертвец не сможет проповедовать, а его вдова окажется в безвыходном положении на чужбине.

Дом в саду

Наконец дожди прекратились, засветило солнце. Ветхая лачуга, в которой жили Джадсоны, стояла в конце рощи рядом с лобным местом, где проводились общественные наказания. Там провинившихся подвергали пыткам или умерщвляли. Туда также свозили трупы со всего Рангуна - это была городская свалка, где сжигали мусор вместе с трупами. Поэтому огонь там никогда не угасал, зловоние не прекращалось, и Джадсонам изо дня в день приходилось жить за смердящей дымовой завесой.

Энн сильно кашляла, пытаясь прочистить легкие от удушливого дыма. Но все старания приобрести другой участок были безуспешными. Несколько раз Дону сообщали, что продается земля, но как только выяснялось, что покупатель - белый человек, сделка тут же расторгалась. Никто не хотел рисковать. Не зная, как обернутся события, бирманцы боялись связываться с иностранцами.

Разрешение на новую постройку выдавал королевский наместник. Имея в руках подписанный им документ, можно было сразу купить землю, но королевский наместник в Рангуне оказался крайне несговорчивым человеком. Правда, говорили, что при помощи взятки можно было все уладить, но у Джадсонов не было никаких ценностей, которые заинтересовали бы высокопоставленного чиновника.

"Что, если я нанесу визит жене королевского наместника? - предложила Энн. - Может, мне удастся угодить ей подарком, и она сможет уговорить своего высочайшего супруга, чтобы он выделил нам участок для постройки дома". Предложение Энн встревожило Дона: ему казалось, что она напрасно подвергнет себя опасности.

Но Энн настояла на своем и во второй половине дня начала готовиться к ответственному визиту. Она надела белое платье в оборках и кружевах, как будто отправлялась на званый вечер в Англии. В глазах Дона появились слезы: как могла эта хрупкая женщина ежедневно переносить те ужасы, которые окружали

их в Бирме?! "Я ухожу. Пожелай мне удачи", - весело сказала Энн и скрылась между акациями.

"Боже, позаботься о ней и сохрани ее", - горячо молился миссионер. Время шло, и Дон ловил себя на том, что его мысли далеки от лежавших перед ним книг. Непрерывно поглядывая на дорогу, он с нетерпением ожидал появления жены. С наступлением сумерек Дон встревожился еще больше: "Как неблагоприятно было ей идти в одежде, подчеркивающей, что она иностранка, - в волнении думал он. - Если королевский наместник почел это за оскорбление, не исключено, что Энн бросили в грязную тюремную камеру. Почему я не настоял на том, чтобы сопровождать её?"

Наверно, уже в сотый раз посмотрев на часы, Дон порывисто поднялся, услышав звуки шагов. Но он увидел всего лишь проходившего мимо нищего. Наконец, из-за деревьев показалась Энн. Дон бросился навстречу жене.

- Энн, как я волновался! Слава Богу, ты жива! Почему ты так задержалась?

- Я видела королевского наместника и всех его жен! - объявила Энн. - Жены наместника были очень добры и внимательны. Впервые в жизни они встретились с белой женщиной. Самое сильное впечатление на них произвели мои перчатки и шляпка. Я предложила им примерить и то, и другое! А когда они позвали наместника, чтобы продемонстрировать ему европейскую моду, я поняла, что настало время действовать.

- Ну и как, получила ты разрешение на постройку жилья?

Энн развернула бумагу, которую держала в руке.

- Дон, нам выделен участок в черте города! Мне не терпится увидеть его!

Так у Дждасонов появилось жилье. Их новая хижина ничем не отличалась от хижин бирманцев: приподнятый на сваях пол из бамбукового тростника, соломенная крыша. Вокруг был сад, где росло множество инжирных деревьев и тамариндов. Это был живописный уголок. Как только хижина была готова, они переселились в нее.

Оу Оугмен оказался замечательным учителем и незаменимым помощником. Он был эрудированным человеком с живым пытливым умом. Оу Оугмен не только учил Дона и Энн правильно говорить, но посвящал своих учеников во все тайны восточного мышления и странные верования буддистов. Дону нравилось беседовать с ним, он часами пытался доказать своему учителю, что религия, в которой тот был воспитан, ошибочна.

Но Оу умел отстаивать свои позиции. "Я ни за что не соглашусь, что Бог может существовать за пределами вселенной, - утверждал он. - Когда после смерти человек снова рождается в мир, он, чтобы достичь совершенства, должен в новой жизни жить лучше, чем в предыдущей. А когда совершенство будет достигнуто, круг его жизни будет завершен, и он уже не родится человеком".

Дон усиленно занимался переводом Евангелия на язык пали, чтобы бирманцы сами могли прочитать слова Иисуса Христа. Но этот труд оказался таким кропотливым, что временами Дон готов был сдаться. Удастся ли ему справиться с этой задачей? И даже если работа над переводом будет завершена, как и где напечатать текст?

Когда лихорадка унесла жизнь их новорожденного первенца, Оу Оугмен убеждал убитого горем отца не погружаться в мысли о потере, а снова взяться за

книги и работать еще с большим рвением и усердием. Дон был бесконечно благодарен этому мудрому человеку, а также повару Ку-чил, потому что только Ку-чил сумел заставить поесть впавшую в отчаяние Энн.

Джадсоны воспрянули духом, когда в Рангун прибыли еще двое миссионеров. Супруги Хью привезли с собой печатный станок. "Я должен поскорей окончить перевод, чтобы его можно было начать печатать!" - торопил себя Дон.

Он почти закончил перевод Евангелия от Матфея и теперь круглые сутки работал над текстом, подготавливая его к печати. От бессонных ночей под глазами у Дона появились темные круги, и это очень беспокоило Энн. Но вот настал радостный день! Громче всех ликовал Оу Оугмен. Он прибежал в дом со страницей печатного текста Евангелия от Матфея, на котором еще не успела просохнуть краска.

Помимо Евангелия, они отпечатали еще два трактата на бирманском языке. Дон ожидал возможности распространить эту литературу среди местных жителей. Наконец наступил день, когда он вышел на улицу и направился к храму Шве Дагон. По дороге, ведущей к священному храму, шли толпы паломников. То одному, то другому Дон вручал листы бумаги, шепнув, что текст нужно прочитать - в нем содержится очень важная новость. При этом он молился: "Господи, помоги хоть одному бирманцу понять, что Ты любишь его!"

На следующий день Джадсон получил ответ на свою молитву. Из-за деревьев их сада показался человек. "Дон, к нам кто-то идет!" - сообщила Энн, первой заметив незнакомца. Подойдя к лестнице, Дон увидел богато одетого бирманца, который медленно приближался к их жилищу. Дон не знал, чего ждать: неприятности или новой дружбы?

Посетитель подошел ближе и низко поклонился. Дон пригласил его подняться на веранду. После того, как они обменялись традиционными приветствиями, расспросив друг друга о здоровье, незнакомец сел на циновку и объяснил причину своего визита. "Сколько уйдет времени на изучение религии Иисуса?" - поинтересовался он.

Сердце Дона радостно забилося! Наконец-то, после четырех лет непрерывной работы, он увидел результат своего труда. Перед ним стоял бирманец, который хотел узнать об Иисусе Христе.

Барабаны смерти

Ежедневные перегрузки не прошли бесследно и Джадсон заболел, сильно переутомившись, когда бессонными ночами, забывая о сне и отдыхе, работал над переводом Евангелия от Матфея. Теперь печатный станок стоял без дела. Чтобы снова закипела работа, нужно было подготовить к печати новый бирманский текст. Но здоровье Дона было серьезно подорвано.

Энн знала, что мужу нужен длительный отдых, но как устроить его? Она молилась об этом, и когда в Рангун прибыла с очередным рейсом старая "Георгина", Энн встретила с капитаном судна и рассказала о своих затруднениях. Капитан пообещал ей, что на обратном пути в Индию захватит Дона с собой. Может быть, морской воздух и вынужденный отдых в течение длительного путешествия окажут благотворное действие и сделают то, чего не в

состоянии сделать ни одно лекарство. Но убедить Дона поехать было не так просто.

- Все будет хорошо, - уверенно повторяла Энн. - Супруги Хью позаботятся обо мне. Поправляйся скорее и приезжай домой!

- Дорогая, я решился на это только чтобы ты не волновалась, - наконец согласился Дон. - Я постоянно буду думать и молиться о тебе. И о Бирме, о христианской Бирме!

Подняли якорь, и "Георгина" покинула гавань. Энн возвратилась домой с комком в горле. Как ей хотелось поехать с Доном! Но супруги Хью, недавно прибывшие в Бирму, не знали языка, и Энн чувствовала, что не имеет права оставить их одних.

Когда "Георгина" прибыла в Мадрас, Джадсон услышал новость о поражении Наполеона при Ватерлоо. За новостью об отречении Наполеона от престола последовала еще одна, буквально сразившая его: ходили слухи, что в ближайшее время Великобритания объявит войну Бирме. Для Дона это было ужасной новостью, потому что Энн осталась в Рангуне. Если будет объявлена война и начнется бойня, жестокие бирманцы, не задумываясь, уничтожат всех, кто говорит по-английски. Он немедленно должен возвратиться, чтобы спасти Энн!

Попытки капитана остановить Дона ни к чему не привели, хотя доктор настаивал, что миссионеру необходим постельный режим и он не должен вставать с гамака, подвешенного на палубе "Георгины". Убедившись, что ноги его не держат, Дон попросил, чтобы за ним прислали крытые носилки. Его снесли на берег.

С присущей ему настойчивостью Джадсон взялся за розыски корабля, на котором можно было бы возвратиться в Бирму. Но корабля не было. Наконец кто-то сказал ему, что слышал о судне, отплывающем в Бирму. Для Дона нашлось на нем место, и несколько недель спустя он уже был в Рангуне.

Его никто не встречал, и в сердце Дона закрались недобрые предчувствия. Потом он вспомнил, что у него не было возможности сообщить Энн о своем возвращении. Дон стал расспрашивать в порту: "Какие новости? Вы не слышали, все ли в порядке в миссии?" Таможенник, тот самый испанец, которого он когда-то просил о помощи, посмотрел на него с нескрываемой жалостью. "Миссия закрыта, и все разбежались, потому что в городе началась эпидемия холеры", - сказал он.

У Дона пронеслась страшная мысль: "Холера! Может, Энн уже умерла?" И Дон отвернулся, чтобы скрыть от испанца подступившие слезы. В этот момент его взгляд упал на груды багажа, сваленного в дальнем углу таможни. Ему показалось, что он уже где-то видел эти саквояжи. Всмотревшись, Дон понял, что багаж принадлежит Энн - значит, она еще в Рангуне. "Это багаж моей жены!" - крикнул он.

Испанцу показалось, что Дон кричит от возмущения, и он начал оправдываться: "Простите, сэр, но всему виной холера. У нас сейчас очень мало людей. Да, теперь я вспомнил, это багаж вашей жены. Она возвратилась в Рангун на прошлой неделе. Я позабочусь о том, чтобы багаж немедленно доставили в миссию".

Дону некогда было выслушивать объяснения испанца, и он поспешил по извилистой дорожке, ведущей к дому. Через окно Дон увидел горящую свечу. Когда он постучал, его встретила живая и здоровая Энн. "Слава Богу! Ты жива!" - воскликнул Дон и опустился на пол. Силы оставили его.

Крайне удивленная неожиданным возвращением мужа, Энн принесла ему под голову подушку. Потом она села рядом и начала рассказывать о своих приключениях. "Дон, я такая трусиха, - со слезами жаловалась она. - Я испугалась и решила бежать из Бирмы. Но корабль попал на мель, и мне пришлось возвратиться. Представляешь, как ужасно было бы, если бы ты приехал домой и не нашел меня?!"

Энн рассказала, что после отъезда Дона обстановка резко изменилась к худшему. Король Бирмы объявил о своих притязаниях на северные провинции и в крайне оскорбительном тоне приказал британцам покинуть их. Он пригрозил, что если британцы ослушаются, бирманская армия утопит их в море. Услышав об этом, Джадсон рассмеялся. Бирманские солдаты, вышагивая на парадах в своих длинных шелковых балдахинах, выглядели, как разноцветные бабочки. Дерзость бирманского короля отражала невежество людей, не имеющих никакого представления о мире за пределами своих джунглей.

Энн рассказывала, что королевский наместник передал миссионерам Хью послание от короля, гласившее: "Скажите заморскому зверю, что если он не отдаст мне печатный станок, его ожидает смерть!" Получив это послание, супруги Хью пришли в ужас. И тогда на помощь пришла находчивость Энн. Она снова нанесла визит королевскому наместнику. Захватив с собой кое-какие серебряные побрякушки, она сумела отвести гнев от американского печатника.

Когда в городе началась эпидемия холеры, Энн и супруги Хью впали в панику. Каждый день кольцо сужалось, страшная болезнь неумолимо приближалась к району, где находилась миссия. День и ночь не умолкал барабанный бой, извещающий о новых жертвах холеры. Кто мог надеяться на то, что останется в живых? Решив спасти свою жизнь, Энн и супруги Хью сели на корабль, направлявшийся в Серампор.

- Но как я благодарна Богу, - сказала Энн, заканчивая свой рассказ, - что Он указал мне на мою слабость и возвратил домой.

- Завтра мы снова примемся за работу, - пообещал ей Дон.

Они стояли на веранде, освещенной бледным сиянием луны. На фоне темного неба вырисовывались силуэты витиеватых шпилей храма Шве Дагон, который на расстоянии казался таким же незыблемым, как религия, которую он олицетворял. Энн вложила свою руку в руку мужа.

- Дон, этот храм, как и сам буддизм, - всего лишь пустая скорлупа. Снаружи он привлекателен, но в нем нет жизни. В действительности он так же пуст, как морские ракушки на берегу. А наш Бог живой!

- Да, наш Бог - Создатель жизни!

Дон почти выкрикнул эти слова. На его голос кто-то откликнулся из темноты:

- Откуда тебе известно, что Бог живой? Господин учитель, ты что, знаешь Бога?

Дон крикнул в темноту:

- Кто ты? Не прячься, выходи!

Из-за кустов показалась темная фигура в длинной мантии. Человек поклонился.

- Меня зовут Мунг Швай-гунг. Я ученый-буддист, но мне до сих пор неизвестно, есть Бог или нет.

- Добро пожаловать! Заходите, поговорим! -пригласил Дон.

Он был рад, что в первый же вечер по его возвращении в Рангун к ним пожаловал такой важный гость. Дону было хорошо знакомо имя Мунг Швай-гунг, он много слышал об этом ученом. Признание, что знаменитый буддистский учитель чего-то не знает и пришел к белому человеку в поисках истины, было необычным явлением.

- Вы действительно знаете Бога? - снова спросил буддист.

Дон пригласил его сесть и стал рассказывать о Боге, по повелению Которого он приехал в эту страну. Буддист внимательно слушал, время от времени задавая вопросы. После двухчасового разговора он собрался уходить.

- Я вам очень благодарен, - сказал он. - Мне хотелось бы верить всему, что вы сказали. Кто знает, может быть, когда-нибудь я тоже стану христианином.

- Приходите еще, - пригласил Джадсон. Гость поклонился.

- *Золотые Ноги* утомились, возможно, им пора отдохнуть. И если это так, то я возвращусь.

После этих загадочных слов Мунг Швай-гунг исчез так же таинственно, как и появился. "Я думаю, что под *Золотыми Ногами* он подразумевал короля, - сказал Дон. - Не исключено, что король болен и может скоро умереть. Возможно, Мунг Швай-гунг имел это в виду, когда сказал, что *Золотым Ногам* пора отдохнуть. Кто знает, может быть, заря новой эры восходит над Бирмой?"

Безмолвный шпион

Супруги Хью увезли с собой печатный станок, и Джадсон не мог теперь печатать литературу. Наступил момент, когда раздавать бирманцам стало нечего: не осталось ни трактатов, ни Евангелий. К тому времени также вышел правительственный указ, запрещающий проповедовать и распространять христианство. И теперь миссионеры много думали над тем, как рассказать жителям Бирмы об Иисусе, какие методы лучше всего использовать.

В каждом бирманском селении можно было увидеть дом, который выглядел значительно лучше остальных хижин. Он назывался "*зайят*" и служил местом встреч, куда в свободное от работы время сходились, чтобы посидеть, обменяться новостями. Местные жители поднимались рано, с первыми лучами солнца приступали к работе и работали обычно до середины дня, а потом отдыхали в *зайятах*, пожевывая арыковое семя и проводя время за приятной беседой.

Джадсон часто заходил в *зайяты*, которых было много в таком большом городе, как Рангун. Не имея возможности проповедовать, так как это привлекло бы внимание большой толпы, Дон старался в частной беседе рассказать об Иисусе тем, кто имел желание слушать. Но многие не хотели, чтобы их видели в обществе "заморского дьявола" или застали за разговором с ним. А с тех пор, как разнесся слух, что король рассорился с Англией, Джадсон стал в *зайятах* не самым желанным гостем.

"А почему бы нам самим не открыть *зайят*?" -предложила как-то Энн. Дон решил, что это замечательное предложение. С задней стороны их хижины участок граничил с дорогой. Там можно было построить *зайят* и принимать гостей. В своем *зайяте* они могли бы свободно рассказывать людям об Иисусе. А если кому-то это пришлось бы не по вкусу, недовольные могли пойти в другое место.

Миссионеры принялись за работу: срубили прочные бревна, наносили травы для крыши, застлали бамбуковые полы циновками. Вскоре все было готово к приему гостей. Их верные друзья Ку-чил и Оу Оунгмен охотно помогали Джадсонам. Им было интересно посмотреть, что получится из этой затеи.

Когда все было готово, они стали зазывать прохожих, приглашая зайти, чтобы отдохнуть и поговорить. Но многие, заметив в *зайяте* белых, возмущенно плевали на землю и проходили мимо. Некоторые пожимали плечами, делая вид, будто не понимают приглашения.

"Неужели никто не придет в наш *зайят*?" -спрашивала Энн. Ее глубоко обеспокоили слова служанки Ма Байк, которая сказала, что уходит от них, потому что боится быть в доме, где не чтят Будду. "Благословенный разгневан, что вы живете в этой стране, и *Золотые Ноги* потеряли покой", -заявила она.

"Кажется, они хотят обвинить нас в болезни своего короля, - сказал Дон. - Неужели бирманцы думают, что мы прибегли к помощи злых чар?" Слова Ма Байк были еще одним подтверждением того, что король серьезно болен. Дон опасался, что в случае смерти короля бирманцы подумают, будто виной всему иностранцы: из-за них Будда перестал заботиться о благополучии страны. И тогда миссию могли сжечь, а их самих убить.

Вскоре после того, как начался сезон дождей, на циновках в их *зайяте* сидело несколько гостей. Но как правило, самые уважаемые жители Рангуна к ним не заглядывали. Как-то они заметили, что в *зайяте* стал появляться странный молчаливый человек. Он ни с кем не разговаривал, а просто садился в угол подальше от остальных гостей, и казалось, все время спал. Когда же по лестнице поднимался новый посетитель или кто-то вставал со своего места, он открывал глаза и смотрел по сторонам. Этот молчун все замечал, прислушивался ко всем разговорам.

- Наверное, это шпион, - решила Энн.

- Мне кажется, он просто приходит сюда отдохнуть. - предположил Дон.

Всякая попытка завести с ним разговор заканчивалась неудачей. Ответы было односложными, а если собеседник настойчиво продолжал задавать ему вопросы, молчаливый человек вставал с места, раскрывал свой зонтик и, шаркая ногами, уходил в дождь.

Со временем Джадсоны перестали обращать на него внимание. Они свободно общались с гостями, не теряя надежды, что их труд принесет добрые результаты. Временами казалось, что христианство никого здесь не интересовало. "Боже, дай нам знак! Покажи нам, что наш труд не тщетен", - молилась Энн, не представляя, каким образом Бог ответит.

Однажды молчун повел себя несколько необычно. Он разостлал на полу сухой пальмовый лист и начал делать на нем какие-то пометки. Может, он

записывал разговоры других? Какое-то время Энн внимательно наблюдала за ним, а потом пошла искать Дона.

- Наш шпион пишет донос. Может быть, потребовать, чтобы он показал свою писанину?

- Лучше невзначай заглянуть через плечо и прочитать, что он пишет. Записи могут оказаться совершенно невинными.

- Я пыталась пройти у него за спиной, но ничего не увидела. Как только я подошла, он сразу же прикрыл написанное накидкой. О чем мы сегодня говорили с людьми? Я не помню ни одного слова, за которое нас могли бы обвинить в заговоре против короля.

Дон и Энн возвратились в комнату. Склонившись над пальмовым листом, молчун продолжал что-то писать. Увидев миссионеров, он встал, поднял лист и направился к выходу.

- Остановить его? - шепотом спросила Энн.

- Нет, - ответил Дон.

Вдруг мужчина резко повернулся и направился к Джадсону. Он молча протянул пораженному миссионеру пальмовый лист, бросился к дверям и скрылся за пеленой дождя.

Энн подошла к мужу и прочитала слова, которые потом хранила в памяти до конца жизни: "Меня зовут Мунг Нав. Я обременен тяжкими грехами, но молюсь Богу, потому что я верю в вашего Иисуса и хочу, чтобы Он простил мои грехи". Итак, молчаливый человек, которого они приняли за шпиона, был первым бирманским христианином. Бог послал им Свой знак!

Спустившись по лестнице, Дон побежал по дорожке в надежде вернуть убежавшего гостя, но его нигде не было. Теперь они с нетерпением ожидали возвращения Мунг Нав. Признавшись в том, что он христианин, он должен был вернуться. Но как с ним поступить? Необходимо испытать его, чтобы убедиться, что он в самом деле намерен жить так, как учит Христос.

Мунг Нав появился через два дня и начал расспрашивать, что ему нужно делать теперь, когда он стал христианином. Он заявил, что согласен на все, но Дон знал: нужно соблюдать осторожность. Если эта новость достигнет столицы и дойдет до короля - бедного Мунг Нав убьют.

Когда миссионеры склонились на колени с первым бирманским христианином, вдруг появился Мунг Тхалах, брат их служанки Ма Байк. Он часто бывал в зайяте. "Я тоже хочу стать христианином, - сказал он. - Я хочу, чтобы Бог простил мои грехи. У меня давно было желание сказать вам об этом, но недоставало мужества".

Дон и Энн вручили в руки Божьи этих двух новообращенных и начали ежедневно наставлять их в вере. Миссионеры вместе с ними читали Евангелие, рассказывали новообращенным о путях, которыми Господь ведет христиан. Через месяц, убедившись, что у новообращенных бирманцев самые серьезные намерения, Дон начал готовить их к крещению. В целях безопасности новость держали в секрете, потому что уверовавших в "заморского бога" ожидала страшная смерть.

Где провести крещение? Может, поискать тихую заводь на реке? Но здесь молчаливый Мунг Нав проявил удивительное мужество. Он сказал: "Я хочу быть

крещеным в истинную веру возле храма Шве Дагон. Я хочу бросить вызов Будде в священных прудах храма!" Это было очень смелое предложение, но Дону оно пришлось по душе. На рассвете нового дня Мунг Нав и Дон направились к священным прудам, находившимся у храма Шве Дагон. Солнце едва позолотило шпили великолепного буддистского храма, когда был крещен первый бирманский христианин.

Несколько дней спустя, когда небо пылало заревом заката, Мунг Тхалах и Джадсон подошли к реке. Войдя в ее мутные воды, Дон крестил там Мунг Тхалах во свидетельство о его вере в Иисуса Христа. Это был отважный шаг со стороны обоих новообращенных, потому что не было гарантий, что их действия остались незамеченными. Дон с Энн молились, чтобы Бог Сам сохранил новообращенных от ужасных последствий, которые могло принести принятое ими решение служить Богу.

Золотые Ноги

Теперь, когда в опасности была не только их жизнь, но и жизнь новообращенных, Джадсоны чувствовали на себе большую ответственность. Мысль о том, что Мунг Нав и Мунг Тхалах могут подвергнуться пыткам только за то, что верят в Иисуса Христа, страшила их.

Жизнь старого короля угасала. Население Рангуна было охвачено страхом, потому что никто не знал, чего ожидать от нового правителя, который станет очередным "властелином жизни и смерти" для всего населения Бирмы.

- Почему бы тебе не съездить в столицу и не познакомиться с новым королем? Вдруг ты сможешь убедить его, что мы - друзья бирманцев, и нам позволят обучать народ христианским принципам, - предложила Энн.

- Хорошо, я съезжу, - согласился Дон. - В любом случае, это лучше, чем жить в неизвестности.

В течение нескольких недель в *зайт* никто не заходил. Бирманцы опасались всего, что могло навлечь на них подозрение. Когда Энн или Дон появлялись на базаре, их осыпали градом оскорблений. Необходимо было что-то предпринять, и Дон начал готовиться к поездке в столицу.

Оба новообращенных бирманца предложили сопровождать миссионера. Они хорошо знали свою страну и обычаи, и могли оказать неоценимую помощь в таком нелегком путешествии. Дон особо дорожил их советами, касающимися придворного этикета. В стране деспотизма и жестоких нравов самая незначительная ошибка могла стоить головы.

Мунг Нав и Мунг Тхалах с энтузиазмом участвовали в обсуждении предстоящей поездки. Они посоветовали сделать прочную лодку из тикового дерева и загрузить ее продуктами, которых хватило бы на все дни путешествия. Помимо этого, нужно было приготовить подарки королю, чтобы преподнести во время аудиенции.

Что они могли подарить "Его Золотому Высочеству"? У миссионеров не было драгоценных камней, которые могли бы удовлетворить монарха.

- Нужно подарить ему Библию. Тогда он увидит, что мы приехали в Бирму, чтобы научить его народ добру, - сказал Дон.

- Книга должна быть в дорогом переплете, иначе король отнесется к подарку с пренебрежением. Обложку Библии нужно покрыть пластинками из золота. Когда-то я выполнял такие работы, - сказал Мунг Тхалах.

- Но у нас нет Библии на языке, понятном королю. Не дарить же ему английскую Библию! - заметила Энн (к тому времени Дон перевел на язык пали только Евангелие от Матфея).

Дон рассмеялся.

- Тем лучше! Король не поймет ни одного английского слова и убедится, что книга не причинит никакого вреда.

Готовясь к поездке, они обсуждали самые разные варианты.

- Я буду молиться о вас день и ночь, - пообещала Энн, прощаясь с ними на берегу реки. - Пусть Бог сохранит и устроит ваш путь!

Десятиметровая лодка отчалила от берега, и они поплыли. С берега Энн наблюдала, как заработали весла, и лодка быстро скрылась за изгибом реки. Поочередно сменяясь, друзья гребли от восхода солнца до заката. На ночь лодка причаливала к берегу, путешественники привязывали ее, устраиваясь на ночлег то в лесу, то прямо в открытом поле. Все тридцать пять дней они плыли против течения.

Временами, когда на пути встречались стремительные бурные водопады, им приходилось вытаскивать лодку на берег и тащить по суше. Они проплывали мимо убогих деревень, но иногда им встречались великолепные постройки из мрамора, которые при лунном свете напоминали сказочные дворцы. Не раз путешественникам приходилось пробираться сквозь густые заросли тамаринда. Переплетенные между собой ветки касались воды, и, чтобы проплыть под ними, гребцы почти ложились на весла.

Река начала мелеть, и наконец им пришлось оставить лодку и продолжить путь по суше. Тщательно спрятав лодку в кустах, чтобы воспользоваться ею на обратном пути, они пошли пешком. Через время, уставшие, с избитыми в кровь ногами, путешественники добрались до Авы, столицы Бирмы. Шел 1822 год.

В столице они узнали, что старый король умер, и новым правителем Бирмы стал Баги-дав, сохранивший за собой титул "Его Золотого Высочества, Властелина жизни и смерти" своих подданных, прибавив много других титулов, таких как "Принц белых слонов". Добиться аудиенции у короля оказалось не так-то просто. Тысячи верноподданных искали встречи с ним, чтобы завоевать расположение нового правителя.

Дон узнал, что их старый знакомый, королевский наместник из Рангуна, находится в столице. С надеждой, что наместник вспомнит визит его жены и не откажет в любезности, Дон решил рассказать ему, зачем он прибыл в Аву, и попросить о помощи.

- Мы хотели бы получить разрешение короля на проповедь народу христианского учения. Не могли бы вы передать наше прошение Его Золотому Высочеству?

Королевский наместник выглядел крайне угрюмо. Видно было, что у него нет ни малейшего желания помочь им.

- Ваше учение - чужестранное, и если я возьмусь вам помогать, я сам могу впасть в немилость.

Получив от них подарки, он смягчился:

- Я проведу вас мимо стражи, а остальное - на ваш страх и риск. Я не хочу, чтобы в тронном зале меня видели с вами, - предупредил он, не желая нести ответственности за последствия их визита.

В назначенный день королевский наместник провел их через дворцовые ворота. Мунг Нав нес Библию в великолепном золотом переплете, которую они намеревались вручить королю. Во дворце королевский наместник передал трех христиан на попечение морщинистого старика, казавшегося таким древним, будто ему было сто лет. Его волосы были завязаны в узел на самой макушке, с плечей ниспадал красный шелковый шнур.

- Красный шнур обозначает, что он высокопоставленный чиновник, - прошептал на ухо Дону Мунг Нав. - Ты заметил, какая у него необыкновенно красивая татуировка?

Обнаженная грудь и руки старика были покрыты таким замысловатым рисунком, что казалось, будто на нем хорошо подогнанная рубашка со сложным узором. Старик пригласил следовать за ним. Они прошли через покрытые золотом резные двери необыкновенной красоты, которые распахнули перед ними два раба. В каждом углу стояли золотые статуи, инкрустированные драгоценными камнями. Поднявшись по мраморной лестнице с решетчатыми перилами, они прошли мимо внутренних двориков, где в прозрачной воде купален отражались узоры многочисленных террас и балконов. И вот наконец их ввели в тронный зал.

Роскошь этого помещения поразила Джадсона. Потолок, стены и пол, казалось, были сделаны из чистого золота. Массивные колонны, усыпанные изумрудами, рубинами и бриллиантами, поддерживали потолок. В зале не было никакой мебели, и только в дальнем углу на помосте, под балдахом, расшитым золотом и серебром, стоял трон из слоновой кости. В противоположном конце зала толпилось множество людей. Это были просители, которые надеялись снискать благоволение короля.

Проводник жестом указал, чтобы Дон и его друзья заняли место у стены. Мунг Нав держал в руках Библию в золотом переплете. У них не было времени, чтобы как следует рассмотреть диковинную обстановку, потому что в дальнем углу зала открылся занавес, и все застыли в благоговейном молчании. Медленно и торжественно глашатай объявил: "Золотые Ноги приближаются!" Просители пали ниц. Джадсон тоже низко поклонился.

Король Баги-дав вошел в зал и торжественно направился к трону. Это был небольшого роста человек в искусно расшитых шелках. Вокруг трона расположилась его свита, состоявшая из высокопоставленных чиновников. По знаку одного из них, расprostертые ниц просители поднялись и начали по очереди подходить к трону, преподнося свои дары и излагая просьбы. Испытывая благодарность уже за то, что им позволено предстать пред светлые очи "Властелина жизни и смерти", каждый из них, изложив свою просьбу, раболепно пятился к выходу.

Наблюдая за этой сценой, Дон заметил, как морщинистый проводник подал знак, что подошла его очередь. Сердце Джадсона забилося. Скользя по сверкающему полу, он стал медленно приближаться к трону. От встречи с

королем зависело очень многое! "Господи, Сам управь моими словами и расплавь сердце этого человека", - молился он.

Баги-дав не выразил удивления, увидев склонившегося перед ним белого человека. Мунг Нав и Тхалах также приблизились к трону и вручили королю Библию.

- Что это за книга? - раздраженно спросил он.

- Мой господин, это религиозная книга, в которой описаны тайны жизни. Ваш смиренный слуга желает обучить этим тайнам народ Бирмы.

Крайне удивленный тем, что белолицый проситель владеет его родным языком, король приоткрыл книгу. Но увидев странные английские буквы, он нахмурился.

- Кто он, этот "заморский дьявол"? - резко спросил король.

Морщинистый старик, который привел их в тронный зал, рассказал королю, с какой целью Джадсон приехал в Бирму.

- Если он говорит, что ему известны тайны жизни, может ли он предотвратить смерть?

Короля мало интересовала религия чужестранца, но если он знает, как исцелять от болезней, то это полезный человек. Ведь даже короли, во всем их величии, не ограждены от болезни и смерти.

- Жизнь и смерть находятся в руках Бога, - ответил Джадсон.

- Значит, в этой книге нет ничего магического?! Раздраженный Баги-дав взял Библию в золотом переплете и отшвырнул в сторону. Книга стукнулась об пол, и от этого удара по всему залу прокатилось эхо. Морщинистый старик дернул Дона за рукав. В сопровождении Мунг Нав и Мунг Тхалах, еще раз поклонившись королю, Дон стал пятиться к выходу. Короля Баги-дав нужно было срочно отвлечь от мыслей о "заморском дьяволе". Под окном появилась группа ритмично раскачивающихся девушек. Они пели, а потом закружились в танце. "Повелитель белых слонов" обратил свой взор на них, и это отвлекло внимание своенравного деспота. А иначе Джадсона могла бы постичь печальная участь.

- Хорошо еще, что вы остались в живых, - сказал проводник, выводя их из дворца. - Вас могли отправить в манеж к королевским слонам, и они растоптали бы вас. Мне много раз приходилось наблюдать, как люди гибли из-за пустяков.

- Что еще мы можем сделать? - поинтересовался Дон.

- Возвращайтесь в страну, из которой вы приехали, - доброжелательно посоветовал старик. - Если вы не уедете из Бирмы, вам не остаться в живых. Уезжайте, пока вам не вынесли смертного приговора.

Это был тяжелый удар. Огорченные и приунывшие, друзья вышли из дворца и отправились в обратный путь. Лодка была на месте. В полном молчании они спустили ее на воду и поплыли на юг, в Рангун. Какие большие надежды они возлагали на эту поездку! И вот теперь такое печальное возвращение.

Джадсон первым нарушил гнетущую тишину:

- Может быть, старик в самом деле прав? Все безнадежно. Наверное, лучше уехать из вашей страны и взяться за миссионерскую работу в другом месте.

- Нет, господин учитель, нет! Не делай этого! - одновременно заговорили Нав и Тхалах. В их голосе слышалась тревога. - Мы еще так мало знаем о Божьих

путях. Не оставляй нас одних, пока мы не утвердимся в христианской вере. Нам мало, но скоро будет больше верующих. Подожди, пока нас будет хотя бы десять.

Глаза Джадсона наполнились слезами. Он не в силах был устоять перед такой просьбой. Эти двое новообращенных разделили с ним все опасности путешествия и гнев короля. Что будет с ними, если он уедет? Нет, это невозможно! И Джадсон принял решение остаться в Бирме.

Король Баги-дав

Энн была рада возвращению мужа. Услышав о гневе короля, она все же от души поддержала решение Дона остаться в Бирме. Но оказалось, что руки миссионеров были связаны, они ничего не могли делать. Никто из местных жителей теперь не решался зайти к ним в *зайят*. Их навещали только новообращенные, и то тайно. Джадсоны знали, что за ними установлена слежка. О каждом их поступке доносили местным властям.

Стараясь не поддаваться унынию, Дон сказал Энн: "Давай будем рассматривать этот период, как замечательную возможность продолжить работу над переводом Библии. В один прекрасный день у нас снова появится печатный станок, а пока я должен подготовить материал, чтобы было что печатать". И он приступил к делу.

Каково же было удивление Джадсонов, когда однажды утром к двери их хижины подошел белокожий незнакомец, одетый на западный манер. "Я приехал, чтобы помочь вам, - просто сказал он. - Надеюсь, у вас найдется какая-нибудь работа для меня?"

Джадсоны были вне себя от радости, когда узнали, что доктор Прайс, американский врач, приехал с намерением поселиться в Бирме. Выяснилось, что в Америке он был преуспевающим хирургом, но оставил свою медицинскую практику, чтобы присоединиться к миссионерскому служению Джадсонов.

Как только распространилась весть, что новоприбывший чужестранец опытный врач, со всех сторон начали стекаться люди. Зброшенный зайят превратился в перегруженную амбулаторию. Энн одновременно исполняла обязанности медсестры и переводчика. К ним обращались с переломами, с гноящимися ранами, с самыми разными заболеваниями. В поисках исцеления к белому доктору даже приходили слепые. Доктору Прайсу приходилось тратить много времени на то, чтобы изыскивать заменители для необходимых медикаментов.

Тем временем Дон с помощью Оу Оунгмена снова усиленно занимался переводами. Он тщательно переписал на язык пали законченный перевод Евангелия от Иоанна, послания к Ефесянам и отдельные отрывки из книги Деяний Апостолов.

Именно в этот период в Рангун возвратились супруги Хью. Глубоко сожалея о своем паническом бегстве из Бирмы, они вернулись на постоянное жительство. В их распоряжении по-прежнему был драгоценный печатный станок. "Вот теперь мы сможем по-настоящему взяться за дело!" - обрадовался Дон.

Все они были до такой степени загружены работой, что забыли о гневе короля. Казалось, что и король не придавал особого значения тому, что миссионеры продолжают жить в Бирме. Но однажды в сопровождении свиты в

миссию прибыл богато одетый чиновник. Это был королевский посланник. Поднявшись на веранду, он вручил Дону свиток с массивной королевской печатью, перевязанный красной лентой. Величественного гостя пригласили войти.

А Дон с тяжелым сердцем пошел разыскивать Энн. "Дорогая, боюсь, что случилось то, чего мы больше всего опасались! - сказал он. - Получен королевский указ. Не исключено, что меня ожидает изгнание, а может, и смерть. Но не теряй мужества! Если меня возьмут под стражу, позаботься о сохранности манускриптов и продолжай их печатать". Дрожащими пальцами Дон развязал ленту, которой был перевязан свиток. Неужели придется остановить работу? Теперь, когда люди только начали понимать, что миссионеры желают им добра.

Не успев дочитать документ до конца, Дон вскрикнул от радости и сообщил Энн: "Мы обрели высочайшее благоволение, и все благодаря доктору Прайсу!" Королевский указ гласил, что доктор Прайс приглашен на встречу с королем, чтобы продемонстрировать свое врачебное искусство. Весть о способностях доктора достигла королевского дворца.

- Мне придется сопровождать доктора в качестве переводчицы, - сказала Энн.

- Женщине явиться в королевский двор? Боюсь, что из этого не получится ничего хорошего. Если доктору нужен переводчик, то поеду я, - заявил Дон.

- Но благоразумно ли это? Что, если король узнает тебя и снова разгневется?

Попытки остановить Дона оказались напрасными. Готовясь к поездке на север, начали загружать лодку. На этот раз к отъезжающим присоединились доктор Прайс и Энн. Миссию в Рангуне оставили на попечение супругов Хью.

Как и в первый раз, аудиенция с королем проходила в золотом тронном зале. А так как доктор был прибыл во дворец по приглашению самого монарха, их приняли без промедлений. Король проявил большой интерес к целительным способностям доктора Прайса. И хотя Джадсон переводил все многочисленные вопросы короля, повелитель Бирмы ничем не показал, что узнал Джадсона. "О, мудрый белый человек, ты должен поселиться здесь и часто навещать меня", - повелел Баги-дав доктору Прайсу.

По распоряжению короля им предоставили удобное жилье недалеко от королевского дворца. Редко выпадал день, когда доктора не звали на аудиенцию к королю. Многие королевские чиновники и придворные хотели подружиться с людьми, которые пользовались особым королевским покровительством. Доктор Прайс с раннего утра до поздней ночи принимал больных. Каждый день у дома, пожалованного белому доктору, собирались толпы народа. Энн и Дон разговаривали с пациентами, ожидавшими своей очереди. Среди них было много желающих узнать об Иисусе Христе.

Как-то, когда очередная встреча с королем подходила к концу и Дон, как обычно, переводил, Баги-дав поднял руку в знак того, что аудиенция окончена. Когда Прайс с Джадсоном поклонились и направились к выходу, король внимательно посмотрел на Дона и спросил:

- А ты, человек в черном, тоже можешь исцелять?

- Ваше высочество, я учитель.

- Чему же ты учишь?

- О, Повелитель белых слонов, я учитель религии.

Усмешка на лице короля была не слишком приятной. Когда он задал следующий вопрос, в его голосе звучало презрение:

- И что же, бледнолицый чужестранец, кто-нибудь последовал твоему учению?

Как ответить на этот вопрос? Если Дон признается, что у него есть последователи, это может навлечь беду на совершенно невинных людей. Вместе с тем он почувствовал, что король знал ответ на этот вопрос. Королевские шпионы тщательно следили за чужестранцами и доносили все, что могли разузнать.

- Здесь у меня нет последователей, - начал Дон, - но в Рангуне есть те, кто прислушивается к моим словам.

- А ты умеешь читать по звездам? - вдруг резко изменил тему разговора король.

Дона так удивил его вопрос, что ему трудно было собраться с мыслями. Смешавшись, он начал описывать ночное небо, но король снова поднял руку, а это значило, что аудиенция окончена.

Воодушевленная королевским расположением, Энн организовала школу для женщин. Все придворные дамы искали ее общества. Радуюсь интересу, который они проявляли, Энн учила их шить, вязать и даже читать. Женщины так усердствовали, что начали даже соперничать друг с другом.

И Джадсоны, и доктор Прайс страшно уставали, но их радовало, что бирманцы все больше и больше доверяют своим белокожим друзьям. И только разговоры о войне порой омрачали их радость. Слухи о назревавшем конфликте не сходили с уст местного населения. В последнее время в столице часто устраивали военные парады, а угрозы в адрес англичан стали обычным явлением.

В одно из воскресений Дон, как обычно, проповедовал в доме доктора Прайса. Вошедший в двери Мунг Нав с трудом дождался конца проповеди, чтобы объявить ужасную новость: 23 марта 1824 года британская армия подошла к Рангуну, и там начались бои.

Положение было серьезным. Вряд ли король и дальше будет покровительствовать чужестранцам из вражеского лагеря. Им срочно нужно было покинуть столицу. Когда раздался громкий стук в дверь, они все еще обсуждали создавшуюся ситуацию.

- Именем короля повелеваю: откройте дверь!

- Дверь открыта, входите!

Первым вошел чиновник, который еще вчера был в числе их друзей. Его глаза горели ненавистью. У входа стояли солдаты с обнаженными саблями.

- Чужестранный учитель, тебя ожидает король! - рявкнул он.

Моментально воины набросились на Дона. Хотя он не сопротивлялся, ему связали руки и ноги. Энн схватила за руку солдата, который туго затянул веревку на запястьях мужа. Тот грубо отшвырнул ее.

- Я заберу и тебя! - прорычал он.

- Нет! - крикнул Дон. - Моя жена - слабая женщина! Оставьте ее в покое.

- Хватит, пошли! - крикнул чиновник, руководивший арестом. - Отведите его в тюрьму.

Когда Энн услышала "Лет-ма-юн-танг", она заплакала. Это было название тюрьмы пыток, ужасного места, из которого очень немногие возвращались живыми.

Дона вытолкнули за дверь. Встретившись взглядом с Энн, он сказал: "Бог не оставит тебя!" И тихо добавил: "Сохрани мои переводы!" Дон говорил так, будто прощался навсегда, и надеялся, что части Священного Писания, которые он успел перевести, завершат начатое им служение. Со страниц Евангелия люди узнают об Иисусе Христе, о Котором сам он, как видно, не сможет больше проповедовать.

В тюрьме

Дона повели прямо в тюрьму. В зловонном помещении стояла крошечная тьма. Надев на Дона ручные и ножные кандалы, тюремщики проделали через них прочную бамбуковую палку, которую на веревке вздернули вверх.

Дверь захлопнулась, и он остался один. Подвешенный на бамбуковой палке, Дон испытывал невыразимые мучения. Внизу сновали полчища крыс. Железные манжеты врезались в голени и запястья. В одиночестве, совершенно беспомощный, он думал: "Неужели так придется встретить смерть?" Язык его распух, горло пересохло от жажды. Ему казалось, что он вдыхает не воздух, а яд. Из-за непроглядной темноты Дон потерял счет времени.

Он не знал, сколько прошло времени, когда вдруг с грохотом открылась дверь камеры. "О, поскорей бы они разделались со мной!" - подумал Джадсон. Ему казалось, что нет ничего ужаснее, чем медленная смерть на бамбуковой палке, провисавшей под тяжестью его тела.

Дона поставили на ноги. Затекшие, онемевшие ноги не в состоянии были выдержать веса тела. Тогда его поволокли к двери, где он ожидал увидеть палача. После крошечной темноты в камере Дон был ослеплен дневным светом. Наконец он разглядел стоящую перед ним Энн. Обрадовавшись, что снова видит любимую жену, он одновременно пришел в ужас, что она тоже арестована.

Энн подошла и крепко обняла мужа. "Дон, - сказала она, пытаясь сдержать рыдания, - я стараюсь делать все, что в моих силах, чтобы добиться твоего освобождения. Вот вода, вот пища. Попробуй выпить хоть один глоток, это поддержит твои силы". И она поднесла кружку к губам Дона.

- Свидание окончено. Уходи! - закричал тюремщик.

- Энн, дорогая, поскорее уходи, - умолял Дон. Он не в состоянии был представить, чтоб его нежная хрупкая жена задержалась в этом отвратительном месте хоть на минуту дольше.

Джадсона снова грубо втолкнули в темную камеру, и он упал на липкий пол. "О Боже, сохрани Энн! И мои драгоценные переводы", - молился Дон. Он знал, что если чиновники доберутся до драгоценных страниц, в которые были вложены годы труда, они немедленно сожгут их, а это был единственный экземпляр. Тогда его многолетний труд окажется напрасным.

Энн ежедневно приносила в тюрьму пищу, и своими визитами поддерживала и воодушевляла мужа. Когда ей отказывали во встрече, она оставляла передачу на милость тюремщика. Пытаясь убедить властей, что Джадсон был другом

бирманцев и хотел помочь им, Энн ходатайствовала об освобождении мужа. Она встречалась с влиятельными людьми и умоляла их о помощи.

Наконец, ее неиссякаемая энергия, а главное, деньги, которые она приносила, произвели впечатление на начальника тюрьмы. Безусловно, он не посмел отпустить Дона, но согласился улучшить условия узника. Из темного подземелья Джадсона перевели в сарай, где хоть иногда он мог видеть свет и дышать свежим воздухом. Чтобы предупредить побег, руки и ноги Дона были по-прежнему закованы в кандалы.

- Энн, дорогая, целы ли мои переводы? - каждый раз спрашивал он.

- Надеюсь, что они в сохранности. Я закопала их под домом вместе с нашим серебром. Даже если дом сгорит, манускрипты должны остаться целыми и невредимыми.

Однако Дона не удовлетворил такой ответ.

- Им известно, что я занимался переводами. Если их начнут разыскивать, я думаю, в первую очередь станут искать именно под домом.

- Может, тебе будет спокойнее, если я принесу их в тюрьму? Тогда они будут рядом, и ты перестанешь переживать.

Этот план казался крайне опасным. Но не было гарантии, что в другом месте манускрипты будут в большей сохранности. Только как передать их Дону? Когда Энн приносила передачи, корзинку с продуктами обыскивали. Что будет с переводами, если тюремщики обнаружат их?

- Я знаю, как поступить, - придумала изобретательная Энн. - Завтра я принесу тебе хорошую мягкую подушку. Внутри подушки будут зашиты твои переводы Библии.

Верная своему слову, на следующий день Энн появилась в тюрьме с драгоценной подушкой в руках. Стражник прощупал подушку. "Обычно мы не позволяем узникам и половины удобств, которыми пользуется ваш муж", - с издевкой заметил он. Энн затаила дыхание. Но тюремщик, ничего не заподозрив, разрешил отдать мужу подушку. Для Дона она стала удобством и утешением. Ощупывая содержимое подушки, он чувствовал себя намного спокойнее и лучше спал.

Джадсон расспрашивал Энн о военных новостях. Продолжаются ли бои? На чьей стороне победа? Но она сама мало знала, что происходит на юге. Порой выстрелами из пушки столичных жителей оповещали о ходе военных действий. Один выстрел обозначал поражение бирманской армии, два выстрела - победу. Три выстрела должны были известить о том, что британская армия потоплена в море. Несколько раз раздавались одиночные выстрелы, и это было все. Никто не знал, наступают британцы или нет. Но даже если британская армия и подойдет к столице, невозможно было предсказать, успеют ли спасти узников или их ожидает жестокая смерть. Заключенных могли в любой момент казнить, чтобы отомстить за всех погибших бирманцев.

Проходили недели и месяцы. Дон все больше и больше слабел. И если бы не домашняя пища, которую с неизменной верностью приносила ему жена, он давно бы умер. Появляясь в тюрьме, Энн всегда казалась жизнерадостной, но после встречи с мужем, по пути домой, не раз горько плакала. Дон очень изменился. Его темные волосы стали седыми, на лице видны были следы тяжелых страданий.

Энн продолжала ходатайствовать о его освобождении, не теряя надежды, что в домашних условиях сумеет выходить его, и он снова окрепнет. Но порой казалось, что ее надежды напрасны.

Как-то, подходя к тюрьме, Энн услышала жуткий рев попавшего в беду дикого зверя. Она подумала, что мучители Дона придумали очередную жестокость. Когда же Энн увидела посреди тюремного двора клетку, а в ней разъяренного льва, у нее от ужаса перехватило дыхание. Неужели тюремщики намерены бросить заключенных в клетку к голодному льву? Энн знала, что для Бирмы это не ново. Пересекая двор, она видела, как лев, беспокойно расхаживая по клетке и не переставая рычать, свирепо следил за ней.

- Что это? Зачем здесь лев? - взволнованно спросила Энн у тюремщика, с ужасом ожидая его ответа.

С ликованием на лице, тюремщик возбужденно потирал руки.

- Царь джунглей избавит нас от английских дьяволов, - торжествующе заявил он.

Сердце Энн оборвалось. Пошатнувшись, она оперлась о стену, но возбужденный тюремщик не обратил внимания на то, как она расстроена.

- Теперь мы знаем, как победить врага! - сказал он. - Наши храбрые охотники поймали этого льва. Мы не будем его кормить, и с каждым днем он будет ослабевать все больше и больше, а когда его силы иссякнут, одновременно иссякнет и сила британской армии. Тогда Бирма снова станет свободной!

Энн поняла, что надежды победить британскую армию сводились к жалким предрассудкам и колдовству. Бедные, заблуждающиеся люди! Энн заторопилась к мужу. Он тоже слышал рычание льва, испытывая жалость к могучему животному, которое, как и он сам, оказалось в неволе. "Если бы только они согласились выслушать! Если бы они захотели узнать, как преодолеть свои страхи!" - сказал Дон, глубоко вздохнув.

Каждый день львиное рычание становилось все тише, а затем перешло в жалобное подвывание. Царь джунглей умирал голодной смертью, а британская армия продолжала наступать. Когда труп льва оттащили в лес, по лицу тюремщиков было видно, что надежды бирманцев разбиты вдребезги.

В тот же день Дон попросил, чтоб его перевели в клетку, в которой раньше жил лев. Если клетка оказалась достаточно крепкой, чтобы удержать дикого зверя, то и узник не сможет убежать из нее. Дон надеялся, что если его поместят в клетку, он сможет жить на свежем воздухе и видеть дневной свет. Его просьбу удовлетворили, и место льва в клетке занял белый человек.

Как и раньше, Энн каждый день навещала мужа и приносила ему пищу. Ее на час закрывали в клетке с узником. Они мечтали о том времени, когда Дон снова будет свободен. Иногда с ней приходили старые друзья Нав и Тхалах. Джадсон радовался, что они продолжают стоять в вере и учении Иисуса Христа. Все они очень тревожились о докторе Прайсе, который тоже был взят под стражу. О нем не было никаких известий, и никто не знал, где он находится.

Дон просидел в тюрьме около года. Однажды утром его завели во двор, где проводились пытки. Оттуда доносились крики узников, которых подвергали истязаниям. Со двора не убирали кости мучеников. Теперь, видимо, настал его черед. Дон приготовился мужественно встретить свой конец. Ему очень хотелось

еще раз увидеть Энн. Он знал, что его жена, что бы с ним не случилось, обязательно потребует, чтобы ей отдали драгоценную подушку. Его труд не будет напрасен: настанет день, когда Библия будет свободно печататься в этой стране и многие смогут прочитать ее.

Сняв с Джадсона ножные кандалы, его приковали к другому арестанту, по всей вероятности, испанцу. В окружении стражников с острыми саблями узников повели по улицам столицы. Скорее всего, это сделали для того, чтобы поднять дух местного населения. Была проиграна очередная битва, и чиновники решили, что жителям города полезно посмотреть на закованных в кандалы арестантов. Если на улицах им и встречались люди, которые когда-то слушали проповеди Джадсона, они вряд ли узнали бы его в этом постаревшем изможденном арестанте.

То и дело спотыкаясь, Джадсон с испанцем медленно брели по улицам, подгоняемые бессердечными стражниками. Так они вышли на окраину города. "Куда нас ведут?" - не раз спрашивал у стражников Дон. Но в ответ слышал один и тот же ответ: "Скоро увидишь!" Какие еще ужасы придумали мучители?

Стояла страшная жара. От солнечных ожогов кожа Дона покрылась волдырями. Его так сильно мучила жажда, что он готов был пить из любой лужи, которая встречалась на пути. Изрезанные острыми камнями, избитые в кровь ноги невыносимо болели. Весь день они шли по пыльной каменистой дороге. Наступил вечер, и закованным в кандалы обессилевшим узникам разрешили присесть у обочины. Не в состоянии вымолвить ни слова, Дон сразу же уснул. Когда на следующее утро, разбуженный лучами восходящего солнца, он проснулся и попытался пошевелить одеревеневшими ногами, они не повиновались ему.

Многokrатно пытаясь подняться на ноги, он всякий раз беспомощно падал на землю. В таком же состоянии был и испанец. Когда стражники поняли, что ни угрозами, ни побоями не смогут заставить узников идти, их решили везти в повозке. Повозка была без рессор, и их подбрасывало и швыряло из стороны в сторону. Поездка по каменистой дороге превратилась в новую пытку. После продолжительного пути, повозка наконец остановилась у деревни под названием Оунг-тен-ла. Узников приковали к межевым столбам посреди рисового поля. Им негде было укрыться от обжигавших лучей солнца.

Из разговора стражников Дон узнал о своей дальнейшей судьбе. Деревня, в которую их привели, была местом рождения знаменитого бирманского военачальника, и здесь назначили военный парад. Вся семья генерала должна была присутствовать на торжестве, чтобы своими глазами увидеть, каких почестей добился их родственник. В программу праздника входило захоронение двух узников, которых собирались закопать живьем. Армейский отряд еще не прибыл в деревню, но мог появиться в любую минуту. Самое позднее, они придут на следующий день.

Ничего не нарушало полуденной тишины. Дон изнывал от голода. Последний раз он ел, когда Энн навестила его два дня назад. "Господь, дай мне силы быть верным Тебе до конца", - молился он, пытаясь укрыть голову от палящих лучей.

Когда солнце склонилось к закату, что-то загромыхало вдали. Что бы это могло быть? Может, это армейский отряд? На горизонте показалось облако пыли.

По мере того, как оно приближалось, в нем можно было рассмотреть запряженную волами повозку. Повозка неслась со страшной скоростью. Джадсон не поверил своим глазам, увидев в повозке Энн.

Да, это была его бесстрашная жена. Узнав, куда повели Дона, Энн сразу же отправилась следом, и наконец, нашла его. Энн привезла с собой пищу и воду. С ней приехал повар Ку-чил. Вместе они разожгли костер и принялись за приготовление пищи.

- Энн, как ты утешила меня! Да благословит тебя Бог! - сказал Дон, рассказав жене об ожидавшей его страшной участи. Но, к его изумлению, Энн не повергло в отчаянье это известие.

- Не переживай! - сказала она мужу. - Армейский отряд сюда не придет. Военачальника, в честь которого назначено торжество, уже нет в живых. Он оскорбил "Властелина жизни и смерти" и впал в немилость. Его бросили к королевским слонам, и слоны растоптали его.

Во дворце

Британская армия продолжала продвигаться на север. Из пушки, стоящей рядом с дворцом, все чаще раздавался одиночный залп, извещавший о том, что проиграна еще одна битва.

С приближением британской армии в столице началась паника. Даже король пришел в ужас. Ни магические ритуалы, ни религиозные церемонии, ни молитвы Будде - ничто не могло отвратить наступление врага. В страхе за свою жизнь, Баги-дав согласился на переговоры с британским военачальником. Однако возникло новое затруднение: как будет он объясняться с человеком, языка которого он не знал? Кому можно доверить перевод речей врага?

И тут Баги-дав вспомнил о белом учителе, друге белого доктора. Что случилось с этим человеком, который так хорошо владеет языком пали? Жив он или его уже казнили?

Король призвал премьер-министра и отдал приказ немедленно разыскать Джадсона. Министр ответил:

- Белый человек долго был в тюрьме, но я не помню, казнили мы его или нет. Может, он еще жив. Я узнаю.

- Ты должен был предвидеть, что мне он может понадобиться, - раздраженно рявкнул монарх, явно позабыв, что он сам объявил Джадсона шпионом и заключил в тюрьму. И если бы не героическая забота Энн, Дон давно бы умер в тюрьме.

Стражники в деревне Оунг-пел-ла были крайне удивлены, когда увидели королевского гонца. Привезенный им указ гласил: "Немедленно доставить в столицу белого узника. Его хочет видеть король!"

Нужно было немедленно повиноваться королевскому приказу - промедление могло стоить стражникам жизни. Заварилась невообразимая кутерьма, и в кратчайший срок узник был доставлен во дворец. С него сняли кандалы, почистили износившуюся одежду, подстригли спутавшиеся волосы. У этого истощенного человека не было ни малейшего сходства с тем Джадсоном, который когда-то впервые появился во дворце. Он так ослаб, что даже не мог

стоять на ногах. Его внесли в тронный зал, а дальше он пошел, опираясь на руки двух придворных.

- Кто эта оципанная ворона? - воскликнул король. - Как он посмел появиться здесь в таком виде? Кто позволил ему войти?

Премьер-министр низко поклонился.

- Мой высокочтимый господин, это тот белый учитель, которого ты приказал разыскать. Я нашел его в деревне Оунг-пен-ла, но боюсь, что он серьезно болен.

- Значит, откормите его! И как следует позаботьтесь о нем!

Баги-дав объяснил Джадсону, что ему нужен честный переводчик, который знает английский и язык бирманцев.

- Разоривший нашу страну британский военачальник прислал мне письмо, и мне нужно узнать, что в нем написано. Ты должен переписать это письмо на языке пали, чтобы я мог прочитать. Потом принесешь письмо мне. Я отвечу на него, и ты напишешь мои слова на языке ненавистного врага их варварскими буквами. Могу я доверить тебе эту работу?

Глядя на изможденное лицо Джадсона, у короля Баги-дав закралось сомнение: а что, если этот человек, перенесший так много страданий, захочет ему отомстить? И воспользуется этой возможностью, чтобы предать своих мучителей? Но Джадсон смотрел на короля ясно и прямо, и Баги-дав почувствовал, что может довериться этому человеку. "Я - слуга Иисуса Христа, - ответил он, - и вы вполне можете положиться на меня".

В течение следующих шести недель Дон вынужден был заниматься работой, непосильной даже для здорового человека. Изможденный лихорадкой, он должен был с предельной точностью переводить с английского длинные документы, полученные от британского военачальника Арчибальда Кембелла. Затем Дон пытался объяснить каждый речевой оборот своему равному королю, делавшему вид, что не понимает условий перемирия, которые должен подписать. Король не соглашался поступиться ни одной из своих привилегий в обмен на гарантию личной безопасности.

После этого король писал ответ, и его витиеватые фразы нужно было передать конкретными английскими фразами. Наконец, после шести недель переговоров, был предложен компромиссный вариант договора. На протяжении этого крайне напряженного периода за Доном ухаживали Энн и доктор Прайс, которого тоже освободили из тюрьмы. Все они жили в небольшом доме на берегу реки Иравади, на половине пути между Авой и военным лагерем, в котором разместился штаб британской армии.

Наконец, утомленный бесконечными увертками короля, Арчибальд Кембелл потерял терпение. В феврале 1826 года Кембелл еще раз перечислил свои условия, предупредив, что это окончательный вариант. "Если завтра в полдень король не согласится принять условий перемирия, моя армия штурмом возьмет Аву, и я не ручаюсь за последствия. После этого я не смогу гарантировать личной безопасности короля Баги-дав".

Джадсон поспешил во дворец. Там он обнаружил, что "Властелин белых слонов" был не в настроении принять ультиматум. "Я не подпишу!" - упрямо твердил он. Тот факт, что в течение шести недель не наблюдалось никаких военных действий, показался королю признаком слабости британской армии. И

как не уговаривал Джадсон короля, как ни просил не навлекать беды на себя и на свою страну, все было напрасно.

"Они требуют слишком многого. Почему это я должен еще платить им деньги?" Гневно посмотрев на Джадсона, король поднял руку. Аудиенция была закончена. "Золотые уста" изрекли свой ответ.

Арчибальд Кембелл согласился ждать до середины следующего дня. Нужно было немедленно решать этот вопрос. Только так можно было избежать полного разрушения Авы. Но что мог сделать Джадсон, если Баги-дав отверг его совет?

Дон провел бессонную ночь. На рассвете он уже был во дворце, но "Властелин жизни и смерти" еще почивал и приказал не тревожить его. "Может, тебе пойти в британский штаб и попросить об отсрочке?" - посоветовала Энн. Но без распоряжения короля Дон не мог этого сделать.

Утро незаметно перешло в день. На противоположном берегу реки в британском лагере заиграл горнист. Солдаты начали складывать палатки. Армия готовилась к наступлению.

В доме Джадсона раздался стук в дверь. Это был гонец от короля. "О, великий белый учитель, тебя вызывают во дворец!" - объявил он. Без всяких церемоний Дона проводили прямо к королю. До его высочества дошла весть, что британская армия готовится к наступлению. Король был напуган.

- О, правдивый учитель, скажи, не обманут ли нас британцы? Уйдут ли они, если я подпишу перемирие? Как я могу знать, что они выполняют свое обещание? - обеспокоенно спрашивал он.

- Король, если вы выполните требования британцев, я уверен, что они уйдут!

- А что они требуют?

- Две провинции и десять миллионов рупий. Королю еще раз прочитали условия перемирия.

- Уплатите им сполна, до последнего тикала, -отдал приказание король. - Я доверяю словам человека, который служит Иисусу Христу!

Принесли перо, и король подписал документ, подготовленный Джадсоном.

- Срочно отправляйтесь в британский лагерь и передайте этот документ в руки Арчибальда Кембелла. Возьмите самых быстрходных лошадей и мчитесь, что есть сил!

Два гонца сорвались с места и поскакали. Дон повернулся к трону. На нем, подобно поломанной кукле, сидел жалкий, беспомощный Баги-дав. Исчезли напыщенность и бахвальство, по щекам "Повелителя жизни и смерти" текли слезы. Джадсон вышел из золотого тронного зала.

24 февраля 1826 года было подписано Яндабольское перемирие. На следующий день Джадсон снова явился во дворец. Король успел оправиться от постигшего его удара, и снова горделиво восседал на троне. Бирма уплатила дань и благодаря этому столица была спасена от уничтожения британской армией.

- О, белый учитель, я хочу отблагодарить тебя, -сказал Баги-дав. - Ты можешь просить о любом вознаграждении. Я дам тебе любой титул, какой только захочешь. За то, что ты спас нас от врагов, ты будешь великим и уважаемым человеком при моем дворе!

Дону странно было слышать эти слова из уст человека, заточившего его в тюрьму.

- Я глубоко тронут добротой короля. Единственное вознаграждение, о котором я прошу, - разрешить мне проповедовать народу Бирмы. Я никак не могу остаться во дворце *Золотых Ног*, потому что должен продолжить дело, начатое в Рангуне. С позволения короля, я хочу возвратиться в Рангун.

Король нахмурился, потому что никак не мог понять человека, который не стремился к почестям и личному обогащению.

- О, почтенный белый человек, оставайся в нашей стране! Ты можешь учить мой народ.

- Я останусь в Бирме до тех пор, пока Бог даст мне на это сил, - заверил Джадсон короля.

Он низко поклонился и вышел из королевского дворца. Наконец ему была дарована свобода открыто вести миссионерскую работу. Но какой дорогой ценой она досталась! И хотя Джадсону было хорошо известно, как переменчивы настроения своенравного правителя, миссионер намерен был использовать для свидетельства любую предоставившуюся возможность.

Поиски подушки

Перед тем как отправиться в Рангун, у Джадсона осталось еще одно важное дело: найти подушку, в которую Энн зашила переводы Евангелия от Иоанна, послания к Ефесянам и книги Деяния Апостолов. Когда Дона внезапно увели из тюрьмы в деревню Оунг-пен-ла, он не смог взять с собой подушку. Последний раз он видел ее на грязном тюремном полу.

Энн тоже в тот момент даже и не вспомнила о подушке: узнав, что Дона нет в тюрьме, она намеренно приступила к розыскам мужа и думала только о том, как спасти его жизнь. Позже, когда Энн стала осторожно наводить справки, ей не удалось найти никаких следов. Хорошо зная, сколько сил было затрачено на переводы, она не смела признаться Дону в тщетности своих попыток. Она помнила слова мужа, когда он был в тюрьме: "Даже если меня убьют, все равно настанет день, когда переводы будут напечатаны! Люди смогут читать Евангелие и мой труд не будет напрасен!"

Но подушки нигде не было. Стражник, к которому обратилась Энн, сказал, что он не знает, что сделали с вещами арестантов.

- После того, как здесь держали белого человека, через тюрьму прошло много людей. Да и зачем вам эта подушка? - спросил он.

- Я хотела сохранить ее на память, - ответила Энн.

- Такая красивая женщина не должна вспоминать о тюрьме. Забудь об этом! - посоветовал стражник.

Разве он способен был понять, что Энн никогда не сможет забыть тех ужасов, которые ей и Дону пришлось пережить? Или забыть, как мужественно вел себя ее муж? После освобождения Дона их внимание было поглощено переговорами с английской армией, пока король не подписал перемирие. А теперь Дон решил не уезжать в Рангун, пока подушка не будет найдена.

Заболев сыпным тифом, Энн слегла. Несмотря на опасность заразиться, Дон преданно ухаживал за ней. В переживаниях о здоровье жены он забыл обо всем

остальном. Как только Энн немного окрепла, доктор Прайс настоял, чтобы ее немедленно перевезли на юг, в Рангун.

Дон сразу же стал говорить к отъезду. Жизнь его верной и мужественной жены, бесстрашно поддерживавшей его во всех испытаниях, была для него дороже потерянных переводов. Если Бог пошлет силы, он сделает их заново. А теперь в первую очередь он хотел позаботиться об Энн. Подготовив лодку, они отправились вниз по реке Иравади, через бесчисленные бамбуковые заросли, которыми были покрыты берега. Ночью взошла луна, на воду легли причудливые черные тени. Луна спустилась так низко, что, казалось, до нее можно было дотронуться рукой. Устроившись на дне лодки, Энн прислушивалась к тихому журчанию воды за бортом. Верные Ку-Чил и Тхалах сидели на веслах, равномерные взмахи которых приближали лодку к цели.

- Дон, я так счастлива, - вздохнула Энн. - С тех пор, как мы уехали из Рангуна, прошло четыре года. И вот, наконец, мы можем свободно, не таясь, делать свое дело. Трудно поверить, что это правда!

- Да, мы свободны, чтобы служить Иисусу Христу! Свободны, чтобы созидать церковь в Бирме! Это то, о чем я мечтал!

Они знали, что в период войны Рангун оказался в центре военных действий. Что случилось с их домом? Найдутся ли в городе люди, которые помнят их? Жив ли их первый учитель Оу Оугмен? Где сейчас ученый Мунг Швай-гунг, который интересовался учением Иисуса Христа, но так и не решился последовать за Ним? По мере того, как лодка приближалась к Рангуну, они все чаще задавали себе эти вопросы.

Тем временем гребцы причалили к берегу и привязали лодку к тамарисковому дереву. Ку-чил взялся за приготовление пищи. Приятный острый запах возбуждал аппетит. От длительного пребывания на свежем воздухе у Энн снова появился румянец на щеках. "Дон, когда-нибудь мы вернемся в столицу и возобновим поиски переводов, - обратилась она к мужу. - Почему-то меня не покидает уверенность, что они сохранились".

Наконец, они подплыли к Рангуну. Город лежал в руинах. Непрочные бамбуковые домики были разрушены британской артиллерией. Но храм Шве Дагон, целый и невредимый, по-прежнему, возвышался над городом. На фоне безоблачного неба вырисовывались контуры его золоченых шпилей. Повсюду видны были следы войны. В парке, которым был окружен храм, стояли обуглившиеся акации. Необычайной красоты пруды, в одном из которых состоялось первое крещение, пересохли.

Джадсоны не удивились, увидев, что от помещения, принадлежавшего миссии, остались одни руины. Все было разграблено, а приусадебный участок зарос сорняками. "Я сбегаю на базар и куплю чего-нибудь поесть, - предложил Ку-чил. - А пока у нас нет крыши над головой, можно ночевать в лодке".

Энн с Доном прошли по запущенному саду. В зарослях встречались знакомые растения, которые продолжали расти, несмотря на заглушавшие их сорняки.

- Это хорошее предзнаменование, - сказал Дон. - Так же и семя истины, заглушаемое предрассудками и страхом, все равно прорастет. Сквозь толщу препятствий оно пробьется к свету. Слово Божие восторжествует!

- Посмотри, - удивленно воскликнула Энн, -здесь свежая могила!

И правда, под одной из акаций возвышался холм, успевший зарости терновником. В изголовье стоял обломок камня.

- Интересно, кого похоронили в нашем саду? -удивлялась Энн, пытаюсь приподнять ветки, обвившиеся вокруг камня. Дон в этот момент осматривал постройки, но сразу же откликнулся на зов жены. Совместными усилиями им удалось высвободить камень из-под веток и прочитать неровную надпись.

- Наверняка, эту надпись сделал человек, не знающий ремесла. А может, просто у него не было хороших инструментов, - предположил Дон.

С трудом они прочитали искаженные иероглифы, обозначающие имя "Мунг Швай-гунг".

- Мунг Швай-гунг! Значит, он все-таки возвратился! - сказала Энн.

- Как жаль, что нас не было здесь! И мы не смогли приветствовать его, говорить с ним. У меня всегда было предчувствие, что если бы не страх, он непременно стал бы христианином. Энн, помнишь, что он сказал, когда прощался с нами?

- Он сказал: "Кто знает, может, когда-нибудь я тоже стану христианином. *Золотые Ноги* утомились. Им пора на отдых, а если это так, то я возвращусь". Это от него мы узнали, что старый король болен.

- Бедный Мунг Швай-гунг! Он думал, что когда трон займет новый король, в Бирме настанет свобода. Как сильно он ошибался! Хотелось бы знать, как он умер и почему его похоронили во дворе миссии.

- Дон, у меня такое чувство, будто за нами следят чьи-то невидимые глаза.

Дон посмотрел по сторонам. Не слышно было ни единого шороха. Вокруг стояла тишина. Перед ними была картина полного запустения без каких-либо признаков жизни.

- Дорогая, здесь никого нет. Ты просто разволновалась.

Но он ошибся: за возвращением белого учителя действительно кто-то наблюдал. Погруженные в воспоминания о прошлом, они не замечали человека, безмолвно следившего за ними из-за полуразрушенной стены старого зайята. Пока Джадсоны ходили по саду, ни одно их движение не осталось без внимания. Вдруг раздался хруст сломавшейся ветки, и от неожиданности Энн с Доном вздрогнули.

- Кто там? Отзовитесь! - крикнул Дон в темноту.

Человек вышел им навстречу. Это был Оу Оунгмен, монах-отступник, который был их первым учителем в Бирме. И вот теперь, по возвращении, он стал первым, кого они встретили в Рангуне. Оу Оунгмен приветливо кивал им. Энн и Дон очень обрадовались.

- У нас нет дома, чтобы оказать тебе гостеприимство, но нам не терпится узнать, как у тебя дела. Где ты был, когда в Рангуне начались бои?

Все трое устроились на бревне, и Оу начал свой печальный рассказ. Когда британские войска подошли к Рангуну, объятые паникой местные жители подумали, что это белый учитель предал их в руки врагов. Они сбежали к хижине, принадлежавшей миссии, и разграбили все, что представляло хоть какую-то ценность. Супруги Хью вынуждены были бежать. Если бы британские солдаты не взяли их под свою защиту, их наверняка ожидала бы смерть.

- Меня тоже заподозрили в заговоре с врагами, потому что я обучал вас языку. Мои соотечественники убеждены, что если бы я вас не учил, вы так и остались бы немыми, - рассказывал Оу.

- Как же тебе удалось остаться в живых?

- О, белый учитель, я спрятался! Ведь ты знаешь, что я достаточно опытный человек, и мне не трудно было перехитрить людей, которыми руководило одно желание: убивать и разорять. Я вспомнил твои слова и стал молиться твоему Богу и просить, чтобы Он избавил меня от зла. И я убедился, что Иисус жив и силен помочь! Мне так хотелось рассказать вам об этом, но вы были далеко. И я решил оставаться поблизости от дома, чтобы приветствовать вас, когда вы вернетесь.

- Мы очень рады этому, Оу Оунгмен. Это великое счастье, что у нас есть еще один помощник. Теперь мы будем вместе проповедовать Евангелие!

- Мой господин, это нелегкая задача! - печально сказал Оу. - Люди здесь верят пустым басням. Они снова скажут, что ты шпион. Ты должен быть очень осмотрительным.

Оу рассказал, что последние несколько месяцев он жил в полуразрушенном зайяте, и предложил, чтобы Энн с Доном тоже поселились там, пока их хижина будет отстроена.

- Расскажи нам о могиле в саду. Каким образом ученый Мунг Швай-гунг оказался здесь?

- Мунг Швай-гунг был великий человек, - сказал Оу. - Он был робок, как пугливая мышь, но благодаря силе Иисуса Христа превратился в храброго льва. Никогда в своей жизни я не видел такого чудесного превращения!

И Оу рассказал, как однажды, наблюдая за тем, что происходит вокруг, он увидел человека, горестно бредущего по саду. Это был Мунг Швай-гунг. "Я обещал им вернуться", - не переставал твердить он.

Оу попытался утешить оборванного, крайне измученного путника. Мунг Швай-гунг рассказал, что он принес из столицы печальную новость: белый учитель никогда уже не возвратится в Рангун. Даже если его не казнят, он вряд ли выживет. Скорее всего, он умрет в тюрьме. "Джадсон с таким мужеством переносит страдания за своего Бога и за всех нас, - говорил Мун Швай-гунг. - И теперь я убежден - в его религии в самом деле есть тайная сила! Я тоже хочу быть последователем Иисуса Христа, но кто наставит меня?"

Все это время Мунг Швай-гунг держал в руках какой-то узел. Оу пригласил его в свое укрытие, накормил и оставил ночевать. Они вместе помолились, и в надежде отыскать хоть что-то из Священного Писания, начали расчищать мусор с площадки, на которой когда-то находилось помещение миссии. Четыре обуглившиеся странички Евангелия от Матфея - это все, что они нашли. Эти странички стали для них духовным хлебом.

Но Мунг Швай-гунг был нездоров. Лихорадка терзала его и, несмотря на заботливый уход, Оу стало ясно, что он долго не проживет.

- Позволь мне остаться в саду белого учителя, - попросил Мунг Швай-гунг. - Если он или его жена когда-нибудь придут сюда, скажи им, что я исполнил свое обещание: я возвратился.

Затем умирающий взял с Оу слово, что тот сохранит грязный узел, который Мунг Швай-гунг принес из Авы.

- Эти вещи принадлежали Джадсону, - сказал он, - и ты должен позаботиться о том, чтобы они попали к следующему белому человеку, который приедет сюда.

Мунг Швай-гунг умер, и Оу похоронил его в саду после того, как совсем стемнело. И посадил траву, чтобы свежая могила не привлекала внимания любопытных.

- Бедный Мунг Швай-гунг! Как хорошо, что он возвратился! - сказала Энн.

- А где тот узел, который он принес? - поинтересовался Дон. - Что это за вещи, которые он так бережно хранил?

- После смерти Мунга я развязал тряпку. Наверно, бедняга просто выжил из ума - я обнаружил там всего лишь грязную подушку.

- Подушка?! Где она? - в один голос закричали Дон и Энн.

- Я спрятал ее под крышей *зайта*.

Оу Оунгмен торопливо вскочил, по шаткой лестнице поднялся на крышу и сунул руку в отверстие, где была спрятана подушка. Неужели это та самая подушка, в которую Энн зашила драгоценные переводы? Но где Мунг Швай-гунг мог раздобыть это сокровище? Как потерянная подушка попала к нему?

Оу положил перед ними грязный узел. Вытащив нож, Дон разрезал подушку, в разные стороны полетели перья. Внутри, завернутые в клеенку, в целости и сохранности, лежали драгоценные манускрипты. Да, воистину, Бог могущественно употребил Своего робкого последователя Мунг Швай-гунга! Но знал ли ученый о содержимом узла, который он принес из Авы? К сожалению, теперь они вряд ли найдут ответ на этот вопрос. Но главное, что Бог чудесным образом сохранил переводы.

Возвратившись с базара, Ку-чил очень удивился, увидев сияющие лица своих друзей. Вместе они преклонили колени и возблагодарили Бога. Ку-чил приготовил еду. На следующий день, не теряя времени, они принялись за работу, намереваясь расчистить территорию и отстроить помещение миссии. Маленькая церковь в Рангуне не намерена была отступать.

Воодушевленно работая рядом со всеми, Дон думал: *"Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонения, или голод, или нагота, или опасность, или меч?"* Остановившись на мгновение, он добавил: *"Или дворцы, или тюрьмы?"* И, с благодарностью подняв глаза к небу, решительно закончил: *"Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас!"* (Рим. 8:35,37).

Издано Русской миссией благовестия